

АРМЕНИЯ И АРМЯНЕ В СТАТЬЯХ С. ГОРОДЕЦКОГО

Ощутимым вкладом русского поэта, публициста, общественного деятеля С. Городецкого в дело освещения и оценки армянской действительности второй половины 10-х годов нашего века, выявления ее «белых пятен» являются более десятка публицистических статей, по сей день неизвестных армянской общественности. Живя и работая в Закавказье в указанный период, русский писатель, уже ставший свидетелем геноцида армян в Западной Армении, внимательно следя за происходящими в Армении событиями, за ее внутренним и внешним положением, поднял свой голос во имя справедливой борьбы армянского народа, его права на существование. В тревожные 1917—1919 гг. не было буквально ни одного вопроса, затрагивающего жизненные интересы нашего народа, который бы не был поднят в статьях Городецкого, ни одного примечательного события, которое не нашло бы отражения в его публицистике. Свидетельством тому являются также пронизанные высоким публицистическим пафосом тематически целостные статьи. Среди них выделяется статья «Новая рана». С. Городецкий ясно осознавал высокую ответственность русского народа, его интеллигенции за историческую судьбу не только своего, но и других народов России и подвергал топкому политическому анализу то, с каким энтузиазмом воспринял русский народ принцип самоопределения наций. Этот принцип, как заметил Городецкий, «глубоко удовлетворял русское самосознание и снимал с русской совести грех угнетения малых и слабых». К тому же можно найти поразительное сходство между событиями семидесятилетней давности и современной ситуацией в Армении. И не только сходство, но и однозначность идеологии и действия.

Возьмем девальвирующуюся, ставшую лишь фразой проблему права наций на самоопределение, которая, кстати, как и сегодня, также превращалась в пустой звук в реальной повседневной политике по отношению к Армении. С этой позицией подошел русский поэт и публицист к декрету об упразднении армянских организаций, действующих в РСФСР. Этим решением были ликвидированы, как контрреволюционные, антисоветские, армянские культурно-политические демократические организации. Поднимая свой голос протеста, Городецкий обличает и осуждает антиармянские происки, защищает национальные интересы армянского народа.

С. Городецкий предстает перед нами как совесть русского народа. Совесть, с которой публицист никогда не вступал в сделку, и это в то время, когда в полную силу политизировалось все и в первую очередь—совесть. Публикуемые ниже статьи и есть тому яркое свидетельство.

А. А. ЗАКАРЯН

PRO ARMENIA*

Про Армению, за нее, в ее защиту.

Не только заглавие, но и всю эту речь можно было бы написать по латыни.

Не потому, что этим классическим языком вполне подобает писать про старинный народ.

И не потому, что медный голос латыни, как нельзя лучше подходил бы к трагическим событиям, обрушившимся на Армению, напоминая собою набат общечеловеческой совести.

Совести прежних веков.

* Кавказское слово, 25. VII. 1918.

О, нет не современной!

Современная общечеловеческая, международная совесть если звенит, то далеко не медью, а другим металлом.

Латынью потому можно писать про современную Армению, что никто этих речей не слышит, люди закрыли уши, опустили веки на глаза, чтобы не видеть ужасающей, оглушительной, невыносимой азбуки событий.

Где-то в хронике, в каких-то коротеньких информационных статейках мелькают известия, торопливо прочитываемые и поскорей выбрасываемые из памяти.

А между тем каждое из них, как приговор, как последний жест палача, как гильотина, как петля, как залп солдат, расстреливающих осужденных, на рисунке Гойи.

И молчать нельзя. Если не равнодушным современникам, уставшим переживать ужасы, то людям будущего, со свежими нервами и неопустошенной душой надо рассказать обо всем этом. Где-то нужно выжечь буквы и знаки рго Armenia.

Был народ, и вот на глазах у всех его уничтожают.

Как будто в переполненном театре, где с каждого места все отлично видно и слышно, и где законом рампы требуется, чтобы каждый внимательно следил за происходящим, что угодно переживал, но не делал бы лишь одного—не двигался бы с места.

Потом будут сочувствовать иные, иные радоваться,—по это потом, а сейчас, во время *действия*, полная неподвижность.

Но ведь то театр!

Героя убивают, опускается занавес, и он, только что мертвый, улыбаясь, выходит па аплодисменты.

А здесь жизнь.

Героя убивают, история опускает занавес, и конец.

Хищники набрасываются на труп и потом только обветренные кости белеют в пустыне.

И быть, как в театре, при трагедии Армении нельзя.

И все, каждый по своим причинам, но все, как в театре.

Россия на галерке, праздничная Грузия в партере, дипломатия и офицеры Германии в ложах.

А па глазах у всех не представление убийства, а самоубийство.

Леденящие душу детали.

Вот одна из них.

Армения, национальным своим инстинктом, во всех своих бедствиях особенно любовно, особенно бережно относится к детям.

Надо было видеть эти детские обозы, эти детские приюты, наспех организуемые на фронте всякий раз, как разрушался какой-нибудь город, надо видеть этих воспитательниц, нянек и особенно учительскую молодежь, чтобы понять, как чудесно переплавляется чувство бедствий в чувство любви к сиротам.

Это и понятно.

Лишаемый территории, сгоняемый с древних мест поселения народ—беженец, естественно, будущее свое видит в детях.

Поистине в Армении так много сирот, что их уже нет там: матерью стало государство. Иметь мать—это редкое личное счастье, воспитание детей—дело общегосударственное.

Жестокая ирония судьбы: гуманнейшие идеалы новой педагогики осуществляются рукою смерти.

И вот деталь из современной жизни армянских детей.

Газеты обошла сурамская история: из Бакурьян привезли детей

в Сурам, дети заболели, болезнь сочли эпидемией, детей выгнали из Сурама.

Все здесь характерно для наших дней и ужасно: и сама толпа детей—беженцев и болезнь их, какая бы она ни была, и качество врачебного диагноза в таком важном вопросе, и, наконец, высылка детей.

Но страшней всего деталь.

Врач приюта пишет о том, почему заболели дети.

Они заболели от перехода с *травяного* питания на нормальное.

Для разумеющих достаточно.

В Бакурьянах дети паслись.

И еще была весть, что Андраник нашел где-то несколько армян, которые паслись на полях.

И еще весть: в Эчмиадзине матери бросали детей в пруд, чтобы спасти их от мучений голодной смерти.

И таким деталям нет конца.

Одна другой страшнее, одна другой тяжелее.

Происходит чудовищный процесс.

Рубеж за рубежом отнимается у армян.

Уже в далеких пустынях остались Айоцдзор, Васпуракап, Тимар—исконные армянские области.

Там испепелено последнее, разрушены остатки, что живо, то в рабстве худшем, тем то рабство, в котором находится вол под ярмом.

Омертвела мечта Армении—страна ручьев и вулканов.

Где-то в Персии скитаются остатки тамошнего населения под предводительством недавнего своего губернатора, парона Кости.

Казалось, что за границей Турции откроется возможность мирной жизни для армян.

Но нет. Граница стала мечтой. Ее нет... Она только в дипломатических бумагах и на старых картах России. Область за областью подпадает врагу.

Наконец, батумский договор отводит «под Армению» какой-то клочок земли, бесплодной и пустынной, со скудными недрами, обнаженной поверхностью, так сказать, символ государства.

Народ хочет здесь сконцентрироваться, чтобы напряжением всех центростремительных сил спасти свое существование, но пределы и этого гнезда оказываются зыбкими, и здесь нет спокойствия, необходимого для государственного строительства, и здесь нет возможности мирной жизни.

Гекатомбы увеличиваются, невидимая рука направляет дело систематического истребления нации. Час за часом население Армении распадается на две огромных группы: мертвые и беженцы. С каждой минутой редет небольшая третья группа живых и работающих.

В трагическом молчании народ Армении переносит эту тяжчайшую минуту своей истории.

Плачущих, проклинающих, вопящих не видно. Стиснув зубы, работают живые. Молча умирают обреченные.

И дисциплина такая, какая в батальонах смерти, чувствуется в нации.

Под такими ударами народ не мог, в отдельных своих частях, не деморализоваться.

Нестойкость на фронте, месть врагу, око за око, жизнь за жизнь, сразу вызывают в нации резкое осуждение и отпор.

И свою роль действующего лица трагедии Армения несет с достоинством.

По старой скверной привычке у нации бывают враги и друзья. И если злорадствуют враги, наблюдая истекающую кровью Армению, то друзья ее, с тревогой следящие за ее участью, могут ею гордиться.

Вообще народы не погибают.

И никогда не погибают народы, умеющие в минуты тягчайших бед и унижений сохранять свое национальное достоинство.

Не погибнет и Армения.

Измученная, обессиленная, она все же в эти трудные дни осуществляет свою историческую мечту о самостоятельности.

Мне вспоминается Акулиссский вариант прекрасной сказки, рассказанный мне моим другом, который часто, между работой, открывал мне страницы армянских летописей и легенд.

Эта сказка так жутко осуществилась в сегодняшней судьбе Армении.

Вот она:

Надев бронзовую обувь и взяв железный посох, пошел царевич искать счастье.

Долго шел и вышел на берег беспредельного темного моря, на опушку леса.

Хотел отдохнуть, но слышал птичий писк.

Оглянулся—видит, что змея хочет пожрать птенцов птицы Замуруд.

Ударил царевич посохом, убил змею и спас птенцов.

Лег и заснул.

Прилетела птица Замуруд, хотела наброситься на царевича, но птенцы взмолились за него крича, что он их спаситель.

Тогда птица Замуруд осенила его своими широкими крыльями.

И приснился царевичу дивный сон.

Видит он, что в далеком Светлом Царстве стоит в терему царевна и зовет его к себе:

—Спешу ко мне! Я твое счастье. До утра можешь взять меня, а после будет поздно. Спешу ко мне!

Проснулся царевич, увидел птицу, и говорит ему птица:

— Ты спас моих детей, так проси у меня, чего хочешь.

— Отнеси меня на крыльях своих в Светлое Царство, к царевне прекрасной, к счастью моему, скорей отнеси!—молит царевич.

Отвечает птица Замуруд:

— Трудное это дело. Далеко лететь надо—через все Темное Царство. Но для тебя я сделаю это. Пойди в лес, убей зверя, порежь мясо на куски, положи в шкуру, принеси сюда.

Царевич сделал все, как велела птица.

— Садись мне на спину,—говорит птица:—бери с собой мясо и бросай его мне в рот, как только я крикну: мясо!

Сел царевич, полетел на птице Замуруд в Светлое Царство.

Широко взмахнула птица крыльями, далеко понеслась над морем.

— Мясо!—кричит птица.

Бросает царевич корм.

Летит над Темным Царством птица и все требует мясо, бросает царевич корм, и вот уже видно, как Светлое Царство золотыми башнями встает из-за темного моря.

— Мясо!—кричит птица.

Но нет больше мяса у царевича.

Не задумываясь, вынимает он меч, отсекает кусок своей мякоти и бросает птице.

Летит птица близко Светлое Царство, еще нужно мясо. Еще и еще, истекая кровью, бросает царевич свое мясо птице.

Все, что было у него мяса, скормил он птице.

И вот спускается медленно птица Замуруд в Светлое Царство к ногам царевны со своей ношей.

А у царевича осталось лишь сердце, которое билось, и печень, джигер, способная па страдания.

Так говорит сказка.

И в таком же виде, как царевич этой сказки, достигла Армения своей мечты—своей самостоятельности.

Истекая кровью, вошла она в свое Светлое Царство.

НОВАЯ РАНА*

В ту минуту, когда армянский народ напрягает все свои силы к тому, чтоб, под угрозой физического истребления, при полной необеспеченности границ государства и жизни граждан, создать основы своего государственного бытия, агонизирующая большевистская Россия наносит ему новый удар в спину: декретом Ленина упраздняются все армянские национальные советы, комитеты обороны, военно-революционные комитеты и пр.**

К официальной мотивировке этого нового разрушительного акта, который, может быть, входит в программу «хлопанья дверью» перед уходом большевиков от власти, мы вернемся ниже. Любопытно сначала осмыслить этот декрет, как очень яркую деталь в общеизвестном уже портрете большевизма.

Дело в том, что отношение к окраинам, к самоопределяющимся национальностям является одним из самых уязвимых мест большевизма. Здесь один из важных пунктов совпадения его с дореволюционным правительством.

Казалось бы, что называемое самым свободным в мире правительством большевиков-коммунистов, следуя своим лозунгам, должно было бы если не способствовать, то, во всяком случае, не мешать тем центробежным силам, которые так развились во многих государствах, составлявших Россию.

Но именно здесь теория уступила практике. Большевизм проявил тот же страх перед свободой народностей, какой был характерен и для царского правительства. Не умея гарантировать жизнь и развитие так называемым «малым народностям», большевизм силой, как и прежнее правительство, хотел держать их в связи с собой и с самого начала косо смотрел на всякое «самоопределение», объявляя его «контрреволюционным».

Раздавались голоса, что в этом стремлении большевиков сохранить карту России сказывается их государственный ум. Но именно его-то здесь и не было. Большевизм в этом вопросе примитивно подражал самодержавию и, конечно, был бесконечно далек от проповедуемых им заветов интернационализма.

* Кавказское слово, 29. VIII. 1918.

** См. «Хронику событий». Городецкий ссылается на помещенный в том же номере газеты в рубрике «Хроника событий» нижеследующий материал:

Упразднение всех армянских организаций в Советской России

Среди последних декретов Совнаркома значится следующий:

Ввиду того, что существующие в различных городах Российской Социалистиче-

Но более всего он изменял здесь лозунгам русской революции, среди которых самоопределение народов занимало столь видное место.

Надо сказать, что этот вопрос стоял очень остро в русском сознании. Старый строй так явно препятствовал развитию национальных культур, что русская совесть протестовала, и русская интеллигенция выработала особый слезливый сентиментализм по отношению к «ино-родцам», как официально трактовались народы России.

И потому лозунг самоопределения народов с первых дней революции стал особенно любимым. Он глубоко удовлетворял русскому самосознанию и снимал с русской совести грех угнетения малых и слабых.

Правда, в этом лозунге было много утопизма; он был скорее мечтою сердца, чем актом политической мудрости. Россия слишком поверила в волшебную силу опьянивших ее слов. Никаких реальных гарантий, никаких средств, никакой помощи в осуществлении этого лозунга она не давала. Она просто выбрасывала птенцов из гнезда: растите и кормитесь сами—забывая, что кругом носятся стаи ястребов и коршунов, жадных до добычи, и что волшебные слова имеют силу только в заколдованном кругу ее мечты, вне которого господствует железный закон соотношения реальных сил.

Но тем более была жестокая черствость большевизма именно в этом вопросе.

Большевизм не мог и не хотел понять, что путь к федерации лежит только через полное самоопределение, что разгон центробежных сил неминуемо приведет к центростремительному бегу.

Ни один из учителей интернационала не мыслил братство народов, как сцепление нивелированных и обезличенных государственных единиц—а, наоборот, как свободный союз вполне в своих пределах развившихся государственных организмов.

ской Федеративной Советской Республики армянские национальные советы, а также прикрывающие себя названием советов обороны Армении или военно-революционных комитетов или иными—буржуазные организации фактически являлись и являются филиальными отделениями тифлисского армянского национального совета, состоявшего в связи с закавказским контрреволюционным правительством, а также ввиду того, что эти буржуазные организации, в состав коих входят явно контрреволюционные элементы, прикрываясь лживыми словами о защите и обороне Армении, производят сборы денег и формируют отряды для отправки в распоряжение контрреволюционного армянского национального совета и ведут агитацию против советской власти, предписывается:

1. Все вышеназванные национальные советы, комитеты, советы обороны, военно-революционные комитеты, и прочее упразднить.

2. Все дела, документы, имущества, капиталы, а также помещение названных выше армянских национальных советов, комитетов и прочее передать комиссариату по армянским делам при народном комиссариате по делам национальностей. В тех же городах, где нет отделений комиссариата по армянским делам, вышеупомянутые имущества, капиталы, дела и документы должны быть переданы в местные советы, которым вменяется в обязанность снести по этому поводу с комиссариатом по армянским делам.

Председатель Совета Народных комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Фразу Энгельса о том, что государство есть насилие, Ленин сделал главным рычагом своей политики.

И нажал на него в вопросе о национальностях.

Одним из результатов этой политики и являются декреты об армянских организациях.

Надо восстановить в сознании всю текущую на наших глазах трагедию армянского народа, чтоб оценить весь цинизм этих декретов.

Народ, лишаемый территории, народ, прогнанный с исконных своих земель и гонимый с последних, отведенных ему клочков; народ, похожий на зверя, которого выкуривают из последнего угла его норы. Народ, с начала войны систематически истребляемый, усеявший своими костями огромные пространства и ныне ежедневно приносящий тысячи гекатомбы смерти. Народ, рассеянный по свету, не погибающий исключительно благодаря сталиному своему упорству.

Этот народ имел кое-какие организации в России: советы, комитеты и т. д. Не этими, конечно, слабыми плотинами можно было остановить поток несчастий, смывающих Армению с лица земли. Но все же в этих организациях творилось малое, но важное дело самозащиты от распыления. Здесь, в этих ячейках, скоплялись зерна национальной энергии, которые потом могли бы дать всходы. Здесь, в приютах, собирались и воспитывались дети, будущее нации. Здесь был нежный культ потухшего вулкана Арарата.

И вот над всем этим написано жестокое слово «упразднить».

Какой мертвой схоластикой, каким бездушным буквоедством веет от мотивировки этого постановления! Построение такое: «закавказское» правительство контрреволюционно; тифлисский армянокий национальный совет с ним находится в связи; все армянские организации в России—филиальные отделения тифлисского совета, и, следовательно, контрреволюционны, а потому их надо «упразднить».

Если б сочинитель этого мертвого декрета видел хоть одного ребенка—сироту, видел бы глаза хоть одной обезумевшей от ужаса девушки, я знаю, упразднение не совершилось бы.

Но большевизм бесконечно далек от жизни, он ее не видит, он вне ее и помимо нее сочиняет формулы, которым и хочет подчинить бушующий вокруг нас исторический поток.

Нельзя сказать, что политическое положение Армении значительно ухудшилось от этого декрета. Но нельзя в то же время преуменьшить и морального значения этого акта.

Истекающему кровью армянскому народу нанесена новая рана, и оттого, что эта рана нанесена Россией, хотя бы и большевистской, она особенно болезненна. Этот удар с севера труднее перенести, чем более тяжелые удары с юга.

ЖИВОЕ КЛАДБИЩЕ*

Наступают дни всеобщего мира, вырабатываются новые формы культурной жизни, все народы возрождаются—и вот в это время, в дни торжества жизни, на бакурьянских высотах, не где-нибудь в пустынях Месопотамии, а в шести часах езды от центра, совершенно открыто, совершенно так, как делается дело доброе и общепольное, с холодной точностью часового механизма творится чудовищное не-поправимое дело смерти.

Вы встаете, читаете газету, идете на работу, обедаете, идете в театр или на заседание, а в шести часах от вас, как эхо каждого

* Кавказское слово, 8. XI. 1918.

вашего поступка, умирает человек, старик, ребенок, девушка или женщина, сотнями в день, т. е. в каждый час несколько, быть может, каждые пять минут по одному.

И когда вы спите, смерть не спит, и ее неутомимая работа продолжается.

Все привыкли к смерти, но, быть может, пора начать отвыкать от этой привычки видеть и не замечать вокруг себя смерть?

И, быть может, как раз удобный случай начать отвыкать представляется там, где смерть явно бессмысленна. Ибо, если можно оправдать миллионы убитых в войне солдат победой истинных идеалов мира, если даже попытаться оправдать избиение русской интеллигенции грядущим счастьем социализма, то как, чем будет оправдано и объяснено бакурьянское кладбище?

Ему нет оправдания, нет объяснения.

Под нашествием турок жители Ахалкалакского уезда двинулись к Грузин, и на бакурьянских высотах, на территории, достаточной только для того, чтобы быть кладбищем такому количеству людей, под открытым небом, были задержаны в своем движении и заперты как бы в концентрационном лагере.

Работоспособный, зажиточный крестьянин превратился в беженца. Культурное население—в голодную и большую толпу. В таких бедствиях прошла осень.

Теперь положение резко изменилось. Турки должны очистить Ахалкалакский уезд, и беженцам пора вернуться домой, хоть в разоренные, но все же свои гнезда.

Из восьмидесяти тысяч половина уже погибла.

Если не вернуться сейчас же, погибнет и другая половина.

Статистика смерти, приведенная в обращении правления ахалкалакского землячества, доказывает это холодным языком цифр.

Из 2060 жителей села Ганца с 27 октября умерло 720, т. е. больше трети.

Из 1700 жителей села Ханчалы умерло 1150, т. е. около двух третей.

Из 3250 жителей села Сатха умерло 2450, т. е. больше трех четвертей.

Вымирают целыми семьями, целыми родами. Семья Гаспарян, состоявшая из 90 человек, вымерла вся.

Теперь, когда наступила лютая зима, дело пойдет к развязке еще быстрее, и от ахалкалакцев ничего не останется. Ведь условия их жизни всем известны: холод, голод, эпидемии.

И потому возвращение домой ахалкалакцев—это вопрос с повестки сегодняшнего дня.

Откладывать его—это соучастие в уничтожении мирных сельчан.

Повестка сегодняшнего дня, конечно, перегружена другими неотложными, сложными и важными делами. Но неужели между этими сложнейшими делами нельзя втиснуть такой срочный, вызывающий к гуманности каждого человека, вопрос, как возвращение ахалкалакцев домой?

Ведь он много времени не займет. Ведь он прост до чрезвычайности: нужно только вернуть беженцев в их родные, насиженные места, в их отцовские и дедовские дома. Пускай там выбиты все стекла и вся утварь увезена, все же, в родных, хоть и голых, стенах, под своей кровлей, скорей прекратится дело смерти, столь образцово поставленное в Бакурьянах.

Конечно, было бы хорошо исправить все разрушение, устроить питательные пункты, организовать врачебную помощь там, в Ахалкалакском уезде, и уже тогда позвать туда беженцев сразу из лагеря смерти в уют жизни; это было бы великолепно.

Но если дело возвращения задерживается только отсутствием организации, которая могла бы хорошо его выполнить, то уж лучше, конечно, спасти лишнюю тысячу человек и впустить людей в голые стены, чем задерживать их и губить из-за лучшего оборудования.

Дело помощи беженцам очень сложное и наладить его сразу нельзя. Поэтому понятно, что при старом режиме оно обстоит гораздо лучше. При старом полицейском режиме не могло бы случиться того, что десятками тысяч люди гибнут на горах из-за невозможности пройти несколько верст к себе домой. А в демократической республике мы это наблюдаем. Такие противоречия неизбежны при реорганизации государств. Но нужно смягчить их и не доводить до остроты крайней.

Долг каждого гражданина помочь в таких случаях. Долг прессы выдвинуть такой вопрос из-под сукна. Ведь никаким блеском государственного механизма не оправдать гибели хотя бы одного, грязного, вшивого, голодного беженца. А они гибнут *десятками тысяч*.

Отворите же сердца свои, поймите эти цифры!

Если каждый это поймет и подумает, быть может, скорей поймут это и те, от одной подписи которых завяжут тысячи жизней.

Уж если и при демократии нельзя обойтись без того, чтобы *тысячи жизней* зависели от *одной* подписи, то пусть эта подпись решает вопрос в пользу жизни, а не в пользу смерти!

НЕМНОЖКО ЗУБРОЛОГИИ*

Зубрология—наука.

Наука о зубрах.

Я имею полную возможность ее обогатить новейшими исследованиями.

Дело в том, что хотя в этой науке существуют целые главы, посвященные таким экземплярам, как Бобринский, Крупенский, Меньшиков, т. е. зубрам российским, тем не менее остаются мало известными зубры закавказские.

В энциклопедии им посвящено всего несколько строчек, а именно: «Без всякой охраны зубры уцелели еще в некоторых урочищах Кавказа».

Мы можем указать точнее, в каких именно урочищах: напр., в Тифлисе.

И даже адрес: Дворцовая ул.

Вход свободный и бесплатный, как в лучших зоологических садах Европы, где давно признано, что наблюдение и разглядывание дикого животного, возбуждая отвращение, способствует общему смягчению нравов.

* Кавказское слово, 30(17). XI. 1918. Было написано по поводу статьи В. Опочинина «Грезы о прошлом», опубликованной в газете «Грузия» от 28 ноября 1918 г. На эту статью Опочинина в газете «Кавказское слово» откликнулись также ряд авторов: Т. А. Бекзадян, В. Опочинин, прозревающий будущее (30(17). XI. 1918); А. Чимешкиан, Открытое письмо В. П. Опочинину (там же); Idem, Вова приспособился (1 (18). XII. 1918).

За небольшую плату—60 коп.—каждый гражданин может наблюдать зубра и его психологию, и не утруждая себя прогулкой на Дворцовую.

Так именно поступили и мы, приобретя № 72 газеты «Грузия». Изучаемая разновидность, как опять-таки в каждом порядочном зоологическом саду, имеет номенклатуру: В. Опочинин.

Прежде чем перейти к разглядыванию именно этого экземпляра, напомним, два признака всякого зубра, указываемые в зоологии.

Признак первый:

«Общая *грязно-светло-бурая* окраска».

Обращаем внимание читателя на эту деталь: не просто грязно-белая, а именно *грязно-светло-бурая*. На первый взгляд окраска может показаться *светло-бурой*, или, даже может быть *светлой*, а на самом деле, она *грязно-бурая*, или просто *грязная*.

Признак второй:

«С годами становятся особенно злобны и дики и *нередко нападают на человека*».

Опять деталь, достойная внимания. До наступления «годов» было животное, как животное. Ему и руку подавали и знакомство с ним вели (см. письмо Р. Йоаиисиани). Но вдруг нападает на него злоба и дикость, и недавно еще мирное животное яростно бросается на человека или даже на целый народ, скрежещет зубами, брызжет ядовитой слюной, грозит рогами и клыками, ревет, мычит, вопит целыми столбцами, рычит, лягается, крутит хвостом, поднимая пыль, и совершенно не чувствует в своем бессмысленном остервенении, что вся его ярость бессильна, что она только—маленькая картинка из естественной истории, и что через минуту он, этот дикий зубр, как только наткнется на два неизвестных ему и смертоносных для него орудия—честную мысль и здравый смысл,—превратится в зловонную тушу, разлагающуюся падаль, которая просто вывозится особым обозом, как только условия позволяют привести улицу в санитарный вид.

Оба эти признака в высшей степени присущи ныне наблюдаемому экземпляру, В. Опочинину.

Посмотришь—светлая личность.

Ни дать, ни взять апостол, только борода коротка.

Поборник правды, каких мало—лишь с самой маленькой оговоркой: борется за правду постольку, поскольку она ему нравится.

Армян любит прямо до самозабвения. Куда там Отелло! В щепки не годится. Всю свою жизнь отдает он этой беззаветной страсти к Армении. Это какая-то бессмертная любовь.

Поэма в передовице.

«Ходатай и адвокат» армянского народа,—по собственному выражению. К редактору «Нового Времени» бегаёт, направление газеты меняет, как фокусник, с Милюковым беседует, Вермишева спасает. Если б не Опочинин, погибли бы армяне. Он—их спаситель, он их заступник.

Друг, можно сказать, единственный.

Но недаром говорит житейская мудрость: «ни кто, как друг».

Сидит этот друг, ходатай и адвокат армянского народа у себя в зоологическом и пишет статью про свой возлюбленный армянский народ.

Столько же в ней любви, сколько честности. Столько же в ней честности, сколько правды.

Столько же в ней правды, сколько ижицы—ни одной ижицы, ни капли правды, честности и любви.

Сплошная пакость—читать тошно.

Вот она зубровская окраска. Недаром сказано про нее в зоологии: «*грязно-светло-бурая*».

Там же сказано: «нередко зубры нападают на человека». Как сказать. Для ежедневной газеты это не очень часто: в прошлом месяце на русских, теперь на армян, на декабрь опять обещаны русские. Раз в месяц. Надо же накопить яду. И притом надо принять во внимание, что зубры—вымирают. В Пруссии они уже истреблены (см. Энциклопедию, т. XXIV). В Беловежской Пуше их уничтожила война. Остались только на Кавказе. Ослабли зубы и рога, нет прежней силы. Быть может, мы наблюдаем последний экземпляр.

О, конечно, Меньшиков написал бы не так откровенно. Он еще больше бы прикрыл грязь своих мыслей светом своих фраз.

Наш зубр менее опытен.

Он прямо говорит свое, затаенное.

«Ведь если уж говорить по правде, то армяне имеют меньше, чем кто-либо, и этнографических и исторических прав на самостоятельную территорию».

Замечательная мысль, чисто зубровская. Здесь мы стоим вплотную перед зубровской психологией. Чтобы ее оттенить, сопоставим зубровскую правду с исторической.

Многомиллионный народ покрывает памятниками своей культуры огромную территорию.

Многовековой борьбой он отстаивает свое существование под напором завоевателей.

Последней войне, ведомой за будущую свободную жизнь народов, он платит непомерную дань сотнями тысяч мучеников.

И вот в момент, когда наступает осуществление его надежд, ему говорят, что он не имеет права на территорию.

Мало того: зубровское перо своим чисто зубровским способом аргументирует. Способ чрезвычайно прост: берется факт—и отрицается.

Армяне всю свою территорию залили своей кровью, защищая каждую пядь, каждый камень.

Зубр, доказывая, что армяне не имеют права на территорию, говорит: «а территорию надо заслужить исторически, надо ее в свое время отстоять кровью».

В силлогизме подменяется предпосылка, и нужный вывод готов.

Как все это жалко, как бессильно. И сама мысль о том, что народ должен «заслужить» территорию, и доказательства ее. Психология зубра отстала от психологии современного Вильсону человечества на много-много веков. Психология зубра сплошь пропитана привычкой к насилию и подхалимству. Одно это слово «заслужить» чего стоит? Старой пылью пахнет от этих мертвых слов. Стоишь перед клеткой и думаешь: ведь вот, на вид человек, котелок носит, к тарихмахеру ходит, вилкой ест, пером в чернильницу макает,—а в голове у него можно геологические раскопки делать.

Но только что описанный прием с простым подменом предпосылки—самое невинное, что есть у зубра. Его арсенал гораздо гаже. Кроме инструментов мелкого фокусничества туда входят более современные аппараты, более подлые.

«Живя и работая в России,—вещает про себя наш экземпляр,—я на каждом шагу сталкивался с исключительным недоверием русского общества к армянам, причем тамошние люди еще сравнительно равнодушны, но, кто только побывал на Кавказе, тот уже привозит обратно вполне сложившуюся антипатию».

Ведь это же ложь.

Хотя Опочинин, как ходатай и адвокат, и не лжет. Таково зубровское искусство. Клеветать, не клеветца. Лгать и не лгать.

Штука в том, что понимает под «русским обществом».

Если под ним понимать русскую интеллигенцию, которая в лице своих лучших людей проявила такую братскую симпатию к армянам, если вспомнить огромную работу Валерия Брюсова, Максима Горького и других над армянской литературой, то все сказанное Опочининым, конечно, самая бесстыдная ложь.

Но если под «русским обществом» понимать те клетки российского зверинца, где «жили и работали» русские зубры, то, конечно, там можно встретить не только «исключительное недоверие» и «вполне сложившуюся апатию», но и гораздо худшие вещи—и натравливание, и провокацию, и самое простое людоедство.

Таким образом, наш экземпляр и лжет и не лжет.

И все же лжет.

Потому что его единошкурники войной и революцией уничтожены в России чище, чем в Беловежской Пуше, и свидетельство его о «недоверии» не имеет для современного момента никакого значения.

И напрасно он подуськивает и натравливает русских на местное население, утверждая, что «русский человек опять подойдет с доверием к грузину и к мусульманину и по-прежнему будет подозрительно коситься на армянина». Зубровский русский человек, может быть и попробует применить прежние привычки, но получит такой отпор от нового, вильсоновского, русского человека, провозгласившего самоопределение народов, что уйдет в угол своей клетки, поджав хвост. Новый русский человек, выявляя истинное мировоззрение русского народа, ко всякому народу подойдет с приветом и любовью.

«Подозрительно коситься» он будет только на тех зубров, которые держали его в рабстве, и теперь, не замечая великих перемен, пробуют вылезать из своих клеток.

Организовавшись и устроив свою жизнь, русский человек, между прочим, устроит и образцовый зоологический сад, где найдет свое место и «бизон европейский», т. е. зубр, наблюдением над которым мы отвлекли читателя от великих и радостных тем текущего дня.

ВЕНОК ДРУЗЬЯМ*

Григор Болгарац, один из героев Ванской эпопеи, похудевший, поседевший, осунувшийся, привез тяжелые вести о гибели славных деятелей Вана.

Смертью героев пали и вождь ванского населения К. Амбарцумян, и ближайшие помощники доктор Вартанян, и Артавазд Туманян, сын Ованеса Туманяна.

Не в равном бою пали они, а в коварной осаде: их благородная доверчивость и неустрашимость встретилась с предательством и злобой врага. Горькая тяжелая скорбь о их гибели. Таких сынов терять в такую минуту армянскому народу особенно трудно.

И не хочется верить, что их нет, что только тени их остались с их народом, что только в песнях о них спеть можно...

Год тому назад на этих же столбцах я набросал портрет К. Амбарцумяна, как сына земли и прирожденного земледельца. После того мы виделись с ним несколько раз здесь в Тифлисе, когда он уже был ванским губернатором. В маленьком номере на Пушкинской он

* Кавказское слово, 8(25). XII. 1918.

обдумывал благоденствие своего края, и сквозь заботы и тревоги в нем проглядывало удовлетворение. После долгой, трудной жизни наступало для него время, когда все идеалы его осуществлялись. Новые горизонты открывались перед ним, широкое поле свободной работы. И вот смерть трагически прервала его деятельность в то время, когда близился ее расцвет.

Ведь именно такие люди, каким был он, нужны возрожденной Армении. Выйдя из народа, пройдя суровую школу политической борьбы, К. Амбарцумян принадлежал к той деловой, народной интеллигенции, на которую обращены сейчас надежды всех народов, не только армянского. Армянам же в деле воссоздания их страны, в момент осуществления многовековых стремлений, в этот великий день победы, такие деятели особенно нужны. Амбарцумян был типичнейшим из них.

Мне приходилось быть с ним на работе, и я всегда поражался задушевностью его работы. Он знал свой народ и в каждом видел брата. Что-то библейски-патриархальное было в его отношении к человеку. Народ он мыслил, как семью. Сердце у него было близко от дела. И в этих его чертах отражаются старинные нравственные качества армянского народа. Революцию он принял как долгожданную радость, в приходе которой никогда не сомневался, ибо все ее принципы не только исповедовал, но и выполнял. Невыносимо больно, что именно он ушел сейчас от нас.

Я не могу в этой скорби о нем не отметить еще одного оттенка: он был поэт. Любил говорить рифмами. Язык чувствовал, как художник. Помню, он учил меня армянскому языку, начиная с самых близких ему слов: воздух, солнце, ветер, родник, море, и мне казалось, что в этих словах я воспринимаю душу космоса. Он был чудесным оратором-импровизатором.

Кротость духа и способность к гневу жили в нем рядом. У него была своя религия—природа. Агроном по образованию, он в культивировке земли видел культ, как древние. Зерно было для него священным.

И вот нет его. Осиротели жители Вана, и вся Армения в трауре по нем.

Рядом с ним погиб доктор Вартанян. Армянин американской складки, он нес с собой своему народу дары другой культуры, чем Амбарцумян, энергию, методичность работы, европейское понимание долга. Живой, подвижный, неутомимый, он в трудные для ванцев дни много сделал им добра. Он плохо говорил по-русски, и я мало знаю про него, но все любили его и ценили. Его гибель—большая утрата для Армении.

И еще, один—юноша—герой, работавший для родины и отдавший жизнь за нее в канун славы, мой незабвенный друг, красивый глазами и душой, Артик Туманян.

Всем памятно героическое письмо его отца Ованеса Туманяна, обращенное в начале войны к Андранику, в котором отдавал он всех своих сыновей этому вождю, благословляя их на гибель за родину.

И вот, самый юный, самый нежный из его сыновей исполнил волю своего отца: он пошел и погиб за родину.

Вся жизнь была впереди. Талантливая натура влекла его то к живописи, то к театру, то к стихам.

Он все оставил и пошел на работу и смерть.

Я помню яркую лунную ночь в Ване. Обнявшись, мы идем с ним по развалинам. Зияют разбитые стены, немота смерти оковы-

вает город. Страшная и мрачная красота. Артик был заморожен тогда ею. Ежеминутно он мне показывал новые детали трагического пейзажа: озаренную лунной цветущую айву в рамке обугленного окна, причудливую тень, похожую на чудовище. Огромные глаза его блестящие, черные кудри падали на белый лоб, он был романтичен в этих садах смерти. Но в романтике его было что-то жизнерадостное, обращенное к будущему. Утром он лихорадочно бросался на кропотливую работу поддержания и восстановления жизни, работал за поем. Как много творческих сил погибло в нем, как жаль это сердце, полное горячей туманяновской крови! Артавазда ожидал расцвет. Все юношески неуравновешенное, что было в нем, должно было непременно отлиться в красивое творчество. Что унес он с собой? Эпические холсты, на которых он рассказал бы, если б сделался художником, мученья своего народа? Трагедии которые написал бы он, если б остановился на театре, в которых отразился б исторический перелом в судьбе его народа? Не с этой благородной корыстью я оплакиваю его гибель. Мне больно, что смерть взяла этого темноокого отрока с тем же жестоким выбором, что и Амбарцумяна—самых лучших, самых верных, самых нужных выбрала она своей последней жертвой, и только светлые тени их провеют над Арменией в дни возрождения ее.